

...и остров разрастется в материк...

ОСТРОВ

Специальный выпуск, Март 2005

Печатный орган детской организации "Остров Сокровищ" Гимназия №45 Газета основана в 1997 году

9 марта - день памяти Артема Боровика

Среди всего того, что мне приходилось читать про войну в Афганистане, я не встречал ничего, что можно было бы сравнить с этим рассказом очевидца о солдатских буднях без примеси пропаганды. Словом, это уже литература, а не журналистика.

Грэм Грин, писатель

Рассказывает он о том, что сам испытал, а испытать, по всему видно, успел немало. Артем Боровик умеет разглядеть события в подробностях, в деталях, а потом воссоздать эти подробности – и сделать нас как бы свидетелями того, свидетелем чему был он сам.

Юрий Нагибин, писатель

Для него главное – прийти и спасти человека или прийти и узнать истину; прийти и добиться справедливости, чтобы никто не переходил черту закона; подтолкнуть лиц, облеченных властью, к разрешению проблем, тем более если речь шла о судьбе человека.

Валентин Варенников, генерал

Артем Боровик

Артем Генрихович Боровик родился 13 сентября 1960 года.

После окончания в 1982 году факультета журналистики Московского государственного института международных отношений поступил на работу в газету «Советская Россия». В течение пяти лет Артем был корреспондентом по «горячим точкам».

В 1987 году он переходит в журнал «Огонек» и едет в качестве специального корреспондента журнала в Афганистан, где пишет свои знаменитые статьи и репортажи, которые впоследствии легли в основу его книги об афганской войне.

В 1988 году новая журналистская командировка - служба в армии Соединенных Штатов. Итогом становится документальная повесть «Как я был солдатом в армии США», опубликованная в журнале «Огонек», а чуть позже вышедшая отдельным изданием. Именно эта публикация послужила началом дискуссии о целесообразности перевода нашей армии на профессиональную основу. В это же время ведущие западные журналы - «Лайф» (США), «Актюэль» (Франция), «Штерн» (ФРГ) - перепечатывают его афганские репортажи.

В том же 1988 году Артем Боровик становится одним из ведущих популярнейшей программы конца 80-х «Взгляд».

В 1989 году Юлиан Семенов приглашает его принять участие в создании газеты «Совершенно секретно», а спустя год, когда Юлиан Семенов из-за тяжелой болезни был вынужден отойти от руководства газетой, Боровик начинает исполнять обязанности главного редактора.

А в 1991 году он создает на телевидении программу «Совершенно секретно». Тогда же из печати выходит его книга об афганских событиях «Спрятанная война», которую практически сразу переводят и публикуют в США, Англии, ФРГ, Италии, Голландии и Канаде.

Дважды - в 1992 и 1994 году - Артем был удостоен престижной американской премии в области журналистики «EDWARD MURROW AWARD».

В 1996 году создает журнал «Лица», а в 1998 году - газету «Версия».

9 марта 2000 года он погиб в авиакатастрофе в возрасте 39 лет, оставив жену и трех сыновей.

Он умел объединять то, что, казалось бы, объединяться не могло. У него было множество друзей в разных странах, в различных слоях общества: президенты и академики, журналисты и генералы, губернаторы и писатели, рабочие и сотрудники ФСБ, коммунисты и демократы...

Александр Ляховский, генерал

Из него вырабатывался исторически еще редкий в России тип – одновременно и западник, и славянофил, одновременно критик и капитализма, и социализма, но вместе с тем ценящий все лучшее в этих противоборствующих системах минус их преступления и ошибки.

Евгений Евтушенко, поэт

Артем обладал редким для журналиста умением – разговаривать с читателями и зрителями о том, что ему самому было интересно. Он смотрел на мир глазами простого человека, но видел гораздо больше, чем другие. Он умел говорить о простых вещах, фиксировал взгляд на том, что обычно пропускается нами.

Григорий Явлинский, политик

В нашей 45-й

Леонид Мильграм

Давно это было – более 25 лет тому назад. В кабинет директора школы вошла милая женщина с «пустяковой» просьбой – принять в школу двух ее детей.

Так началась постамериканская жизнь в 45-й Марины и Артема Боровиков.

Вхождение в эту жизнь сначала не всегда было гладким – был период адаптации, когда «американцы» должны были притереться к новой обстановке, новому окружению, новым требованиям, а «аборигены» – приглядеться к новичкам из заокеанья и поставить знак качества, впустить их в свой круг. Думается, что адаптация облегчилась духом доброты и взаимопонимания, иронии и юмора, которые, смею думать, господствовали в школе и которые были присущи и семье Боровиков.

Помню, как Артем стойко отстаивал свое право на длинноволосость. В ход пошли и убеждение и власть (на моем гербе – кнут и пряник). Артем капитулировал, но заявил, что вынужден подчиниться этому покусению на демократию.

Вспоминаю и другое: ребята ехали в трудовой лагерь в Олайне (Латвия). Артем загорелся. Полагаю, хотел утвердить свое место среди ребят, да и манила новая для него ситуация. Галина Михайловна была категорически против – жалела бедного ребенка. Артем проявил характер и в лагерь поехал. Вкалывал на прополке капусты. Вернулся довольным. Победителем. Школьник Артем не был паинькой. В разговоре смотрит на тебя распахнутыми глазами (глазами мамы. Артем вообще был похож на мать, а Марина – на отца, правда, как он сам обычно говорит, «в улучшенном издании»), и ему было трудно не верить. Когда грешен – глаза с веселой хитринкой и обязательно какой-нибудь словесный каламбур или ироничный пассаж, невольно амортизирующий суровость готового карать администратора. Юмор и смех были вообще любимым приемом Артема, особенно когда он хотел увести собеседника от затронутой темы. Артем был интересным учеником, стремившимся к знаниям. По-моему, для него были важны не только знания, но и процесс их добычи, при этом не только в классе и учебнике, но и в

самостоятельном поиске. Его важно было заинтересовать и подтолкнуть, а дальше – свободный полет.

И Марину и Артема, смею думать, учили хорошие учителя. В журналистской судьбе Артема несомненен генетический приоритет Боровика-старшего, но, думаю, заметную роль сыграл и неординарный преподаватель литературы Феликс Раскольников с его умением не только дать позитивный запас знаний, но и привить способность мыслить, искать истину.

Школа вообще была в некотором смысле кузницей журналистов – из нее вышли 5 главных редакторов газет и журналов. О профессиональных качествах этих журналистов должны говорить тиражи их изданий и их позиции. А вот человеческие качества – честь, достоинство, порядочность – могу гарантировать и я, как один из производителей. Как раз о чести, достоинстве и о профессиональных качествах Артема думал я, когда слушал слово Гусева – редактора «Московского комсомольца». Гусев сожалел, что у него с Боровиком не было общих проектов. Жаль и мне. Может быть, Артем мог бы индуцировать коллегам не столько искусство расследования, сколько целевую установку – поиск Истины. Вспоминаю, в 1987 году в Москве был министр обороны США. Его жена посетила школу в сопровождении супруги нашего министра Язова. В разговоре я упомянул, что наш выпускник – журналист некоторое время провел в армии США. Г-жа Язова аж подскочила – «Боровик ваш ученик?». Я подтвердил и порадовался журналистскому успеху Артема, который в своем поиске истины впервые приоткрыл занавес над истинным лицом нашего потенциального противника. Довелось мне быть в городе Риме. Остановился перед витриной книжного магазина. И вдруг – книга Артема об афганской войне. Зашел. Узнал, что книга – нарасхват. Прочитал. Порадовался за Артема – это записки участника событий, умеющего быть в самой их гуще, видеть и оценивать их изнутри. Думал об этом и позднее, когда слышал, как один из самых достойных наших генералов –

Б.В. Громов – рассказывал о фронтовом журналисте Боровике, который в поисках Истины лез в самое пекло.

Кстати, военная тема всегда интересовала Артема. В классе 7-м или 8-м он собрал материал о войне во Вьетнаме и сделал интересный доклад в классе.

Конечно, и Артему и всем нам повезло, что он вступил на журналистскую тропу в новые времена, когда главным и реальным завоеванием общества стала свобода слова и печати, когда дозволен стал бесцензурный поиск этой истины. Вместе с тем убежден, что и в иные времена Артем нашел бы свой способ незаурядного самовыражения. У него были для этого хорошие учителя – Боровик-старший (чего стоит одно только интервью со Скорцени – вещь знаковая или несанкционированная властями встреча с А.Ф. Керенским!) и Юлиан Семенов. Нам всем повезло, что именно Артем принял на себя журналистское наследие Семенова и «С.С.» и сейчас одно из самых читаемых изданий. Артем обладал даром подбирать и привлекать интересных, готовых к предельной самоотдаче людей и создать хорошую команду. При всех славных качествах Артема – профессиональных и человеческих – я всегда

опасался, что у него может не хватить деловых качеств (газета – это и бизнес). Но либо я его недооценил, либо выручила любовь. Тонкие руки изящной Вероники обладают железной хваткой. Эта любовь – отдельная тема, о которой я знаю мало. Но знаю, видел, как расцветал, таял Артем, лишь упоминая ее имя. Есть такая штука – счастье. Убежден – оно было даровано Артему в полной мере в отнюдь не спокойном сегодняшнем мире. Последний раз я видел Артема 1 сентября 1999 года – он выступал перед ребятами в актовом зале школы – том самом, в котором он получал аттестат, а Генрих Аверьянович, как всегда блестяще и не без ехидной иронии, поведал, что Артему в школьные годы, видимо, не хватало школьных знаний и он компенсировал пробел, посещая во время уроков соседний кинотеатр.

Вышло так, что это выступление Артема перед старшеклассниками 45-й стало, по существу, его завещанием нынешнему поколению вступающих в большую жизнь юношей и девушек. Артем звал ребят пронести через всю жизнь и быть проводниками уникального (цитирую дословно) духа 45-й – духа совести, духа интеллигентности, духа гражданственности и служения своей стране.

Незамутненный колодезь

Наталья Мачула

Очень живой, подвижный, импульсивный, озорной. Очень красивые глаза. Умный, внимательный взгляд, иногда чуть насмешливый, иногда ироничный, иногда по-взрослому пронизательный и вдруг – совсем детский...

Говорит легко и свободно, раскованно. Молниеносно парирует (мечта любого учителя). По теме проверяю себя (если ему интересно, значит, все идет хорошо).

Но надо быть настороже. Рассказываю о Нью-Йорке, называю улицы. Тема с лукавинкой спрашивает о 42-й... Перевожу разговор на другие достопримечательности...

Говорим о творчестве Пикассо. Тема хорошо эрудирован, спорит о периодах, у него всегда есть своя позиция, не приемлет стандартов! Это радует и тревожит – времена были другие...

Мелькают годы... И вот уже не Генрих Боровик – частый гость нашей школы – стоит на сцене, а Тема – Артем Боровик в зрительном зале. Зал полон. Я горжусь – известный журналист, люблюсь им, когда вижу на экране телевизора, а вот как перед пылливой ребячьей аудиторией?

Великолепный рассказчик! Ребята слушают затаив дыхание. Тема отлично владеет аудиторией. Говорит взволнованно, честно, искренне! Откровенно... Как нам это нужно всем... Как мало мы видим и слышим людей с честью и достоинством, людей с твердой позицией! Ай да Тема!

Бывают в жизни счастливые дни или, лучше, – «Дни Счастья».

Выходной день! На улице весна, солнечная, теплая, яркая.

Я дома. Звонок в дверь. Открываю. Передо мной два мальчика (12 лет). Всклоченные волосы странного цвета. Странная одежда в живописных заплатках, колени белеют сквозь дыры, жилетки и рубашки – грязные. Мордашки светятся.

Немая сцена... А потом – хохот. Узнала, наконец! Как они были счастливы – Тема и Леня. Как «творчески» подошли к «сверхзадаче».

Мы ставили тогда в нашем английском театре «Принца и нищего» по М. Твену. Мальчики играли нищих со «двора объедков».

Через всю Москву, гордые от всеобщего внимания к представителям времен Генриха VIII, ехали мальчики, играя «вживую» свои роли в реальной жизни! Как они гордились своей выдумкой! Взахлеб рассказывали, перебивая друг друга, как реагировали пассажиры в метро: кто гневно, кто с пониманием, кто весело... Мы так смеялись в этот день. День Счастья! Сколько истинного творчества, сколько восторга! Помню всю жизнь эти лица – сияющие, светлые. Как недавно, как давно это было. Как много сделал этот мальчик для счастья других! Как хорошо он понимал счастье! Как больно, что его нет с нами!

Станный, отчепливый утренний сон спустя два месяца после гибели Артема.

Тема – мальчик, а я вижу: на темных волосах вокруг всей головы выделяется широкая полоса седых волос.

Спрашиваю: «Как это случилось?!»

Тема отвечает: «Жизнь тяжелая!» Голос звонкий, детский, а интонация взрослая.

Долго эта фраза звучала внутри. Как жить в этой жизни, когда

гибнет такой светлый, такой чистый, хороший человек?!

Он оставил своим детям, родным и близким, всем нам незамутненный колодезь, из которого мы черпаем добро. Правду! Мужество!

Тема в трудовом лагере

Тамара Павлович

В 45-ю школу Тема пришел в 5-м классе.

На уроке географии ребята наперебой выкрикивали, кто в классе новенький. Но новенького не было. Вдруг послышался тихий стук в дверь, открываю и вижу этакого малыша-крепыша и глаза! Огромные карие глаза. Помогаю ему выйти из затруднительного положения, говорю: «Ты искал кабинет?»

А он отвечает, что его задер-

жал директор школы. У Темы были длинные волосы. Вот по этому поводу ему и пришлось «беседовать» с Леонидом Исидоровичем.

В школе была традиция – летние трудовые лагеря в Латвии, под Ригой, в совхозе Олайне. Комитет комсомола и школьный ученический совет проводил собеседование и отбор желающих.

Артем с первого раза был за-

числен в отряд «Альтаир», чему был несказанно рад.

Но на следующий день пришел грустный – мама, Галина Михайловна, была против поездки. Но все же Артем добился своего.

В лагере у ребят была норма – прополоть рядок капусты или свеклы длиной до двух километров за четыре часа. Артем работал отлично, успевал все сделать на 1-1,5 часа раньше. И

вставал на рядки малышей встречно (в лагере было 4 ученика, которые окончили 4-й класс). Переходя с одного ряда на другой в шахматном порядке, он пропальывал им по 5-10 метров. Малыши были в восторге – достались такие удачные, местами совсем чистые, рядки. Когда секрет открылся, Артем отказался от того, чтобы ему учитывали перевыполнение нормы.

Из книг, интервью, репортажей

Артем Боровик

Из книги "Как я служил в американской армии"

Надев ботинки американского солдата, кем ты стал? Врагом самому себе? Даже материя их пятнистой зеленой формы действует теперь как сильный аллерген: волосы на руках дыбом встали, кожа от соприкосновения с ней больно, ее точно "ломит".

А память, соревнуясь с воображением, продолжает услужливо подбрасывать во все еще охваченный пожаром мозг новые поленья...

Но еще столетия назад сказано: враг не вовне, а внутри каждого из нас. Потому войной с собой.

Враг – осколок, цепко сидящий во мне? Он прорезался. Но не вышел. Застрял в кости черепа.

Как все-таки легко живется, когда есть "внешний враг". Все свои грехи, проблемы, провалы, недочеты, диктатуру, репрессии, дефицит сахара, ложь, дефицит добра, маккартизм, застой, черствый хлеб в булочной, Сталина, инфляцию, скисшее молоко в магазине, падение жизненного уровня, "уотергейт", "рашидовгейт", обозленность людей в автобусе... – словом, как легко объяснить всю эту какофоническую порнографию нашего мира наличием "внутреннего" или "внешнего врага", происками зарубежных разведок, масонов, международной напряженностью и заговорами рекации.

* * *

На душе было слякотно, я бы даже сказал – поганно. И, как это часто бывает при подобном расположении духа, все факты и события, точно прохуdivшиеся воздушные шары на следующий день после праздника, с катастрофической быстротой теряли смысл, казались пародией на самих себя.

* * *

– Майор, – опять поинтересовался я, – а есть ли возможность для национального примерения у вас в стране?

– Нет, – категорично ответил Бокоро, – оба лагеря зашли чрезмерно далеко. Уже пролило слишком много крови. Она не позволит нам примириться. Будем воевать дальше. Пролитая кровь, к сожалению, сковывает посильнее цемента, она может связать руки даже последующим поколениям. Мы не имеем права обесмысливать пролитую кровь наших отцов.

"Да, – подумал я, – эти слова про "недопустимость обесмысливания пролитой крови" – излюбленный и конечный довод неосталинистов, когда они рассуждают о недопустимости критики Сталина. Или когда они защищают коллективизацию. Или ввод войск в Афганистан".

* * *

Трагедия солдат состоит и в том, что человеческие поступки и качества, которые в условиях мира мы привычно измеряем категориями добра (подвиг, отвага, храбрость, сила воли, неустрашимость, доблесть), там, на несправедливой войне, неизбежно наполняются противоположным смыслом.

Из интервью "Независимой газете"

Невзирая на гласность, мы все же живем в весьма засекреченном государстве с тайным прошлым, скрываемым настоящим и, может быть, именно поэтому – совершенно непрогнозируемым будущим. По сей день элементарная ссылка на врага (как внешнего, так и внутреннего) позволяет бюрократии засекречивать сферы своей деятельности... Сторожат секретность структуры, не имеющие, казалось бы, никакого права на существование. Особенно после выхода Закона о печати. Я имею в виду в том числе и переименованный Главлит, откуда времени все еще нам грозят дряблым пальцем. Я им замечаю: вы – духи, вас же нет! В ответ они тихо, но триумфально смеются, предвкушая долгожданное возмездие. По сути, их перманентная задача – засекречивать коррупцию, технологическое отставание и тотальный развал. Наша задача – все это рассекречивать.

* * *

Девальвация рубля – чепуха по сравнению с галопирующей инфляцией Слова. В начале перестройки Слово было Делом. Теперь Слово – просто звук. Люди нас по инерции все еще слушают, но слышат ли?

* * *

Есть ощущение, что поколение, находящееся сегодня у власти (в Кремле, в основных средствах массовой информации, на заводах и т.д.), не скоро сможет привести нашу страну к истинно свободному рынку, к умиротворению. История тысячу раз доказывала, что раб и господин могут договориться лишь об одном – о новом господине, о новом рабстве. Андрей Битов очень точно показал разницу между свободой раба и рабством свободы. Мы сегодня празднуем свободу раба. Не более. Порой диву даешься, насколько пропитано политическими мифами, догмами и идеологическими наркотиками сознание "правящего" поколения, насколько оно криво отражает реальности современного мира. "Не повторяйте нас!" – вот, пожалуй, единственный совет, который это поколение может нам дать с собой в дорогу.

* * *

Одним принципам мы ["Совершенно секретно"] следуем, другие нарушаем. К примеру, в доме повешенно-

го, считается, не принято говорить о веревке. Мы – говорим. Мы стремимся не создавать себе и читателям кумиров, чтобы потом в них не разочаровываться. Мы считаем, что истинная культура человека (или газеты) заключается в его (ее) умении удерживать в голове (редколлегии) сразу две диаметрально противоположные идеи, но при этом не терять способности проповедовать терпимость. Мы не терпимы лишь к нетерпимости (национальной, идеологической, любой иной). Нам очень нравится девиз "Независимой газеты" – "Без гнева и пристрастия". Очень жаль, что вы его уже использовали... Наша единственная цель – способствовать тому, чтобы совершенно секретного в нашей жизни было все меньше и меньше.

1991

В отношении власти, если это все-таки не тоталитарный режим, а демократия, журналисты должны выступить с плацдарма оппозиции. Если хотите – конструктивной оппозиции. В противном случае мы не нужны стране.

1996

Из интервью газете "Аргументы и факты"

Если у человека нет врагов – значит, что-то в этой жизни он делает не так... Я пуганный, что называется. Было столько всего за последние 10 лет, начиная с гласнос-

ти, что испугать сложно. Скажем, 10 лет назад, когда я работал в журнале "Огонек", мы публиковали материалы, которые сейчас могли бы вызвать только добрую усмешку, а в то время казались суперсенсационными. Тогда у журналиста был один страх – страх потерять работу. Сейчас другой страх – когда угрожают в основном физической расправой. <...> Если на все эти угрозы реагировать – нужно просто уходить из журналистики. Но раз ты уже ступил на этот путь – должен как-то держать удар. Это касается не только меня, но и многих главных редакторов, моих коллег, которым приходится принимать решения, связанные с определенным риском для себя, своей семьи, журналистского коллектива

Из последнего интервью

Я считаю, что на самом деле мораль и политика совместимы. Аморальная политика в конечном итоге ведет к краху. Как самого этого политика, так и страны, где она проводится. Поэтому я верю в возможность того и другого. Важно только, чтобы с первых дней люди, которые придут в Кремль, все-таки пытались дистанцироваться от всей той грязи, от вранья, которое творилось и творится до сих пор.

Спрятанная война

Артем Боровик

Каждый из сотен тысяч прошедших через эту войну стал частью Афганистана, частью его земли, которая так никогда и не смогла поглотить всей пролитой на ней крови. А Афганистан стал частью каждого воевавшего там.

Впрочем, "Афганистан" - это не страна и уже больше года как не война. "Афганистан" - это скорее молитва, обращенная не столько к Богу, сколько к самому себе. Шепчи молитву эту перед сном ровно столько раз, сколько людей погибло там. Выплывай это слово, выбрасывай его быстрее автомата. И если повезет, быть может, где-то на пятнадцатой тысяче ты поймешь, услышишь его изначальный тайный смысл.

Идиоты называли Афганистан "школой мужества". Идиоты были мудрецами: сами они предпочитали в эту школу не ходить. Они полагали, что это "интернациональный долг", "битва с нацистами империализма на южных рубежах Отчизны", "решительный отпор агрессии со стороны региональной реакции" и все такое пятое-десятое... - словом, они убеждали себя и заодно страну в том, что Афганистан "обращает несознательных юнцов в стойких борцов за нашу коммунистическую веру". Но Афганистан был никчемным университетом для юного атеиста. Именно там ты начинал верить в абстрактное существование Добра и Зла, хотя через пару месяцев и обнаруживал, что в итоге их противоборства Добро отнюдь не всегда выходит победителем. Чаще наоборот. Зло было везде и всем сразу: "духом", потом "мятежником", чуть позже "повстанцем", пока не превратилось в "вооруженную оппозицию". Иногда оно выступало в образе ротного, "прапора", "дедушки", которому осталось всего два месяца до дембеля. Но где пряталось Добро, знало лишь оно одно. И постепенно ты начинал ценить просто-напросто доброту - так оно верней. Добро - добровольец - интернационалист - Афганистан - смерть. За добро не жди добра - уже это точно.

В апреле 87-го и я познакомился со снайпером, у которого тыльная сторона грязного подворотничка была исписана словами из псалма - 90: "Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое. Бог мой и уповаю на Него..." Война давала столько поводов, чтобы стать циником. Или убежденным мистиком. Каждый месяц - а на боевых - каждый, бывало, день - она заставляла тебя мучиться в поисках ответа на извечный вопрос: "Господи, почему его, а не меня?! И когда же - меня? Через минуту или через пятьдесят лет?"

Сегодня солдат возносил молитву тому, кого на следующий же день проклинал.

И наоборот. <...>

Меня всегда интересовала не столько видимая сторона жизни, сколько ее затемненная, если угодно - мистическая сторона.

Говорят, если хочешь понять явление, войди в него через черный ход. Но где искать начало нитки, образующей клубок тайн под названием "война в Афганистане"?

Сказать, что это была ошибка, - значит ничего не сказать: как известно, найти ошибку значительно легче, чем истину.

"Франц Фердинанд жив! Первая мировая война была ошибкой".

"Брежнев был не прав! Война в Афганистане была ошибкой".

Эти фразы стоят друг друга.

Но люди, тщась объяснить себе что-то, часто довольствуются бессмысленной фразой, видимостью.

Даже если завтра общественности предоставят все секретные документы, связанные с решением войны в Афганистане, это вряд ли прольет свет на истину, но, возможно, еще больше запутает клубок. <...>

Человек, в той или иной мере связавший свою жизнь с Афганистаном, находясь там или регулярно приезжая туда, проходил приблизительно через четыре стадии понимания того, что там происходило.

Первая стадия (длилась обычно до трех месяцев, в зависимости от прозорливости или догматизма вновь прибывшего): "Война идет нор-

мально, надо добавить еще двадцать-тридцать тысяч войск, и тогда вообще все будет чик-чик".

Вторая стадия (пять месяцев): "Уж коли мы ввязались в это глупое дело, надо быстрее довоевывать. Тридцатитысячной добавкой тут не обойтись. Чтобы перекрыть границы, нужна еще по крайней мере одна армия".

Третья стадия (еще полгода): "Нет, братцы, что-то тут глубоко не так. Ну и вляпались же мы!"

Четвертая стадия: "Братва, надо делать отсюда ноги. И чем быстрее, тем лучше".

И армия последовала последнему совету. Ушла из Афганистана, как могучий штангист с помоста, не взяв веса.

Писать правду...

Юрий Романов

Отец Артема Боровика – известный журналист-международник, в 1966 году стал корреспондентом Агентства печати "Новости" в Нью-Йорке, и вся семья на время переселилась за океан. Вряд ли кто-то сможет с уверенностью сказать, какую роль сыграли в дальнейшей жизни Артема шесть детских лет, проведенных в многоязычном Нью-Йорке, пропитанном атмосферой борьбы за права чернокожих и наполненным отзвуками Вьетнамской войны. Возможно, уважение к людям другой национальности, другого цвета кожи, да и просто другим – отсюда. Потом вновь Москва. Английская спецшкола с номером 45. Факультет международной журналистики МГИМО. Отказ от работе в МИДе. В пользу журналистского труда.

Потом командировки. Журналистские путешествия. По Волге. На Смоленщину. Новый этап – Чернобыль. Зона радиоактивного заражения. Публикация о ликвидации последствий аварии. Дальше – еще опаснее. Плавающее гражданской войной Никарагуа. И Афганистан.

Артем Боровик не стремился к безопасности, для него было важно разглядеть все вплотную, почувствовать на себе. Перед поездкой в Афганистан он добился встречи с маршалом Ахромеевым, начальником Генштаба ВС СССР и получил разрешение не только наблюдать, а участвовать в боевых действиях. Серия очерков об Афганистане стала событием. Отвергнутая в "Советской России" и напечатанная в "Огоньке", она вызвала своего рода бурю. Первый раз печатное слово донесло до читателя такую войну в Афганистане: кровавую, жестокую и бессмысленную. Материалы командировки составили первую книгу Артема Боровика "Встретимся у трех журавлей".

Но основное, с чем связывается имя Артема Боровика – это, конечно, ежемесячник "Совершенно секретно". Он был создан в 1989 году Юлианом Семеновым и положил начало одноименному медиа-холдингу. Издание оказалось исключительно удачным: сплав огромного опыта и писательского таланта мэтра советского детективно-политического жанра и творческая энергия молодого журналиста, специализировавшегося на острых сюжетах, посвященных "горячим точкам", сделали ежемесячник настоящим открытием в мире прессы. Впоследствии к нему добавился созданный Артемом еженедельник

Боровик, Артем Генрихович (1960 – 2000), известный российский журналист, писатель, общественный деятель. Основатель и первый руководитель медиа-холдинга "Совершенно секретно". Трагически погиб в авиакатастрофе.

Скульптурная композиция памяти Артема Боровика (автор - Андрей Франгулян)

"Версии", более публицистичный и динамичный, чем "Совершенно секретно". В 1991 году создана телекомпания "Совершенно секретно", несколько лет выходила одноименная телепрограмма. Потом холдинг дополнился журналом "Лица" и книжным издательством "Коллекция "Совершенно секретно". Пост главы медиа-холдинга стал самым трудным и опасным для Артема Боровика, и именно здесь ярче всего проявилось его редкое умение – ходить на грани, но не переступить ее.

1 сентября 1999 года. Актовый зал Сорок пятой заполняют старшеклассники. Начинается встреча с теми, кому только предстоит вступить в жизнь, с человеком, чья жизнь уже во всех смыслах состоялась. Это – традиция. На сцене – низенький столик, за него садится Мильграм. Место справа

от него занимает среднего роста плотно сложенный человек. Артем Боровик. Микрофон. Артем начинает говорить. Он говорил тогда про то, насколько важно быть гражданином своей страны, про то, что означает само понятие гражданин, и каково это, иметь гражданскую позицию в мире, не очень-то склонном задумываться о справедливости и чести. Он вспомнил слова Кеннеди: "Не спрашивай, что страна может сделать для тебя, спроси свою страну, что ты можешь для нее сделать".

Пройдет полгода, и Артема Боровика не станет. В "Шереметьево" упадет самолет Як-40, и среди 9 погибших будет и он, один из самых ярких российских журналистов последних десятилетий XX века, отец двух детей, обладавший редким талантом – писать правду.

Выпуск

Материалы:

- Боровик А.Г. Встретимся у трех журавлей. М., 1987,
- Боровик А.Г. Как я служил в американской армии. М., 1988,
- Боровик А.Г. Спрятанная война. М., 1989,
- Боровик А.Г. Уже не ведая преград. М., 2001,
- Боровик Г.А. Артем. М., 2000,
- Аргументы и факты. 2000. 15 марта.
- Независимая газета. 1991. 3 августа,
- Независимая газета. 1996. 19 октября
- Фотографии из семейного архива

Статьи:

- Леонид Мильграм,
- Наталья Мачула,
- Тамара Павлович,
- Юрий Романов

Корректурa:

- Инна Торботряс,
- Антонина Балабаева

Обработка графики:

- Снежана Сухоцкая

Дизайн и верстка:

- Виталий Лебедев

Подбор материалов:

- Юрий Романов

Отпечатано

- в полиграфическом центре ИМИР
- www.imir.ru

Печать номера
осуществлена при
финансовой поддержке
Доверительного
Образовательного Фонда